

Пассек Вадим Васильевич

Путевые записки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В12

В12 **Вадим Васильевич П.**
Путевые записки / Пассек Вадим Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2025. – 185 с.

ISBN 978-5-521-27328-7

ISBN 978-5-521-27328-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мнѣ хотѣлось постигнуть тайны Природы. — Я ненасытимо вслушивался въ сказанья о вѣкахъ минувшихъ и мысль — познать жизнь всѣхъ племенъ, вездѣ бывъ, все видѣть неутолимой жаждой запала еще въ младенческую душу.

Какъ часто бывало, въ полнѣ, одинокій
О чемъ-то столь ясно, такъ сладко мечталъ:
Казалось, видѣлъ я край пошль далекій,
О всемъ лишь дивныя рѣчи слыхалъ!

Какъ часно, ребенкомъ, я приходилъ на высокой берегъ Иртыша — и подо мной каплялись его кристальныя воды; онѣ, кажутся, безмятежно покоились на лонѣ опрокинушагося неба, — лишь только игравшая рыба порою бросалась изъ прохладной глубины въ раскаленный, безграничный океанъ воздуха, — и поверхность рѣки дрожала, и расходилась широкими кругами, и снова засыпала. Далѣе раскидывались луга, осыпанные движущимися людьми; вправо синѣлъ темный боръ, еще правѣе расстилался низменный Сузгунъ, испещренный деревьями; * влѣво Тоболь несъ въ дань Иртышу свои черныя воды; далѣе за го верспъ, едва замѣтно, видѣлась Липовская

* Сузгунъ — низменная полоса земли, по теченію Иртыша, на правой его сторонѣ, верстахъ въ 7-ми ниже Тобольска. Здѣсь живутъ и Русскіе и Таттары.

гора; вся окрестность была облитая живительнымъ свѣтомъ солнца, воздухъ дышалъ нѣгой и роскошью, — и я, упоенный величіемъ природы, безопчечно предавался какой-то неопредѣленной мечтѣ, какой-то неясной надеждѣ!

Какъ часто въ палиціе дни лѣта кидались мы въ глубину Иртыша, и насъ обхватывала прохладная влага и пѣна и брызги, и, упоенные, мы снова поднимались на крутизну горы, прямо къ обгорѣлому дому бывшихъ Сибирскихъ Воеводъ; * карабкались на окна, и сквозь желѣзные рѣшетки бросали камни въ огромный барабанъ, обтянутый мѣдью — и барабанъ стоналъ въ своей темницѣ. Намъ рассказывали, что онъ собиралъ своимъ спрашнымъ голосомъ дружину Ермака и за недоспаиномъ пороха замѣнялъ вѣстовую пушку! Въ этомъ рассказѣ много вѣроиннаго: еще при Алексѣ Михайловичѣ были въ нашей арміи *набаты* или огромные барабаны обтянутые мѣдью. Здѣсь же мы видѣли связки старинныхъ ружей и сабель, смотрѣли на нихъ съ безопчечнымъ любопытствомъ и вспоминали про побѣды и гибель Ермака.

* Домъ сей поспроенъ, кажется, не прежде начала царствованія Государыни Екатерины Алексѣевны. Съ Сѣверовосточной стороны обнесенъ стѣною. Горѣлъ, кажется, во время извѣстнаго пожара, бывшаго въ Тобольскѣ въ началѣ восемисотыхъ годовъ.

Ермакъ былъ первымъ героемъ моихъ мечтаній! О немъ знаютъ въ Tobольскѣ каждый ребенокъ, и объ его жизни и смерти рассказываютъ такъ ясно, такъ подробно, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ перешли Уралъ, вмѣстѣ жили, и видѣли его гибель. Доселѣ Тапáры ѣздили къ кургану, который зовутъ Кучумовой могилой, и правили на немъ призыву. Какъ шеперь вижу деревянное изваянье Ермака. Онъ въ полукафтаньи, перешитыя ремениымъ полсомъ, сверхъ всего какая-то манишя и на головѣ черныи пишакъ. Его лице смугло и продолговато, глаза опущены нависшими бровями, черная борода закрыла полгрудя, въ рукѣ длинное копье. Этомъ Ермакъ стоялъ въ саду, на мѣстѣ, гдѣ были нѣкогда развалины какого-то театра. Я дивился деревянному памятнику и, какъ ребенокъ, задумывался при рассказахъ о Герое. Я хотѣлъ видѣть Кучумово Городище безъ знанья, безъ цѣли, какъ ребенокъ, которой просить новой игрушки. И это городище, эти бѣдные развалины Искера, громко говорили мнѣ про былое: разбитыи кирпичи, глубокіе, обросшіе травою, колодцы нѣсколь-ко опрыжковъ опъ земляныхъ валовъ—вопъ Искеръ. Онъ стоитъ на высокомъ утѣсѣ Иртыша, и утѣсъ прескается и съ развалинами зданій шумитъ и каплетъ въ глубину рѣки, и рѣка скоро поглотитъ его послѣдніе остатки.

Доселъ идешь повѣрье, что осажденные здѣсь Татары выкапывали глубокіа ямы, сносили въ нихъ свои сокровища — и, въ день паденья ихъ города, заживо погребались въ нихъ. Многіе нечаянно находили оружіе и монеты; многіе увѣрены въ богатствѣ кладовъ, но Татарскіе души, какъ злые духи, стерегутъ свои сокровища ошъ робкаго невѣжества.

Какъ все это волновало душу мою въ самомъ дѣтствѣ!

Я помню широкіа рѣки и озера и темныя лѣса Сибири; слышу неумолкаемый крикъ и свистъ птицъ, копорыа и ночь и день, длинными вереницами, лепятъ оппразднованъ Сѣверную весну. Я долго смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ они скрывались — и спрпанное желанье лепилъ съ ними въ невѣдомыя страны, глубоко западало мнѣ въ душу.

О, кто не мечтаетъ о радостяхъ, копорыхъ лишаютъ его! кто не живетъ надеждой! ошъ кого почти все оппало въ настоящемъ! И кто лучше насъ изучилъ уроки судьбы?

День, въ копорой мы покинули Сибирь, памятенъ для нашей семьи, — у меня нѣтъ для него словъ! И кто въ первыа минушы воли надышенъ ея наслажденъемъ, кто воплотъ умѣетъ передать его! Да! я помню, какъ,

оставивъ за собою Иртышъ, мы молились — и вслѣдъ за опцомъ и матерью плакали отъ радости. Цѣлый городъ, гдѣ было столько надеждъ и грусти, намъ показался и пусты и мраченъ, какъ пещера. Я помню, какъ цѣлые дни и ночи мы скакали въ Россію. Нигдѣ пакъ скоро насъ не мчали, никогда мы столько не радовались скорой поѣздкѣ. Мы ѣдемъ... насъ цѣлое семейство... и отецъ и все семейство свободно; во всѣхъ деревняхъ и городахъ мы равны со всѣми пріѣзжими; мы съ ногъ до головы обвѣшены оружіемъ — и имѣемъ право въ широкомъ полѣ, не опасаясь обвиненій, помѣряться имъ съ разбойникомъ! — Какъ это кажется мѣлочнымъ, и какъ сильно радуешь чѣловѣка — въ первые минуты воли! Онъ перетерпѣлъ тысячи бѣдъ и онъ самоспопашенъ, онъ свободенъ, онъ ѣдетъ — куда пожелаетъ, — живешь — гдѣ хочешь. Боже мой, сколько наслажденія! Однажды загорѣлась ось у повозки; мы ночью должны были остановиться посреди лѣса... слышны голоса, все ближе, ближе... кусты трещатъ подъ ногами... а только третьяго дня здѣсь же разграбили обозъ... дѣло плохое... «при повозки» кто-то проговорилъ въ лѣсу... мы взяли за оружіе... курки взведены... сабли наголо — и мѣсяцъ заигралъ на ихъ клинкахъ... «сиди, да не про насъ...» продол-

жалъ потъ же голосъ... и лѣсъ снова за-
прещаль — и снова зачихъ. Это были раз-
бойники... они не дерзнули вступитъ съ
нами въ бой... Повѣрите ли какъ это сильно
опоздалось въ душѣ: *мы* — и — *они* — и *мы*
не приступны для насилія, — многіе ли по-
чувствуютъ эти слова!

Такъ мы оставили Сибирь. —

Я помню Уральскій хребетъ, обросшій мо-
хомъ и лѣсомъ. Мѣстами видна дикая гранича-
ная скала и на ней искривленная, полуживая
сосна. Она, кажется, смотритъ на свою бѣд-
ную колыбель, на щоще сосцы своей корми-
лицы, и — одинокая — сохнетъ отъ грусти и
нищеты. А тамъ близъ деревни Ключей есть
высокая сопка: мы поднялись на ея вершину
въ поздній лѣтній вечеръ, когда нагрный
воздухъ былъ свѣжъ и чистъ и — навѣ-
валъ невыразимой легкостью. Тамъ на самой
вершинѣ стоитъ деревянный крестъ, подлѣ
него огромная сосна, съ коюрой слетѣлъ
орелъ, испуганный нашимъ приходомъ. Долго
мы стояли недвижимо, были безъ словъ — съ
какимъ-то глубокимъ и неопредѣленнымъ
чувствомъ наслажденія! подъ нами быстро
спруилась рѣка, чистая какъ взоръ дѣвы,
свѣжая какъ дыханье упря, подъ нами рас-
стилалась деревня и пестрѣли толпы игра-
ющихъ поселянъ: ихъ пѣсни звучно раз-
сыпались по скаламъ горъ! Упоенье было

продолжительно! Вотъ толпы уже рѣдѣютъ, пѣсни затихаютъ, воздухъ свѣжѣль,—вѣтеръ заговорилъ листьями деревъ, шуманъ разлился по долинамъ и изъ-за бѣлой ея пелены выглядывали вершины другихъ сопотъ, и косматые ихъ головы, казалось, тихо наклонялись и шепотомъ вели о чемъ-то пайную рѣчь! Не далеко отсюда есть Суксунская гора: мы давно слыхали, что она послѣдняя на пути изъ Сибири въ Россію, и отъ нее начнется покапосѣнь до самой Вятской Губерніи. Мы поднимались на нее долго; деревни показались игрушками, когда достигли вершины. Здѣсь мы оспановились.... еще взглянули на Сибирь — въ той сторонѣ всходило солнце; взглянули на западъ, и спали спускаться на другой бокъ Урала. Съ этой вершины, казалось, я видѣлъ объ безбрежныя половины Россіи — съ ея людьми и съ ихъ судьбою!

Вскорѣ меня удивили невиданныя мною племена: мы пріѣхали къ Вошнякамъ. Ихъ деревни въ темныхъ лѣсахъ, почти всѣ при рѣкахъ и на мѣстахъ удобныхъ — это говоритъ за давнее населеніе сей страны; ихъ мужскій нарядъ похожъ на Русскій, но лица бѣлые и волосы рыжѣе; ихъ дѣвки обвѣшены серебрянными и золотыми монетами. Я не разъ видѣлъ ихъ въ свадебномъ нарядѣ: онѣ ѣхали верхами и пѣли пѣсни, въ копорыхъ одно-

образно переливались 3 или 4 нопы. Они Христіане; но не всё покинули свои кереметы, и при мнѣ горячо спорили — одинъ за славу Христа, другой — за своихъ боговъ; одинъ былъ молодъ — и укорялъ язычеству за приношеніе кровавыхъ жертвъ и нечислоту священныхъ мѣстъ; другой былъ старъ — и упорно бездоказательно не хотѣлъ разстаться съ богами своихъ ошцовъ. Они были въ эту минуту предсавишными двухъ поколѣній умирающаго и начинающаго жизнь. Я помню Черемисовъ въ ихъ долгихъ бѣлыхъ балахонахъ съ красными обшивками, и женъ ихъ съ высокими повязками на головахъ и съ длинными проволочными сергами: они живутъ хуже и неопришнѣ Вошяковъ: Я помню чистымъ, спройнымъ роши дубовъ, на которыхъ пламеняемъ вѣзалась заболливоспъ Генія Петрова.* Помню каменные спѣны Казанской крѣпости и полуразрушенные дворцы Хановъ Тамарскихъ. Помню, что всё иновѣрцы опдѣлены огнь Русскихъ рѣзкой черною. Тамарскіе юрты не сходяпся съ Русскими деревьями; нашъ креспѣлннѣ бранипъ ихъ погаными, бусурманами, а Тамаринъ доселѣ вѣренъ своей крови, своимъ обычамъ, въ самомъ городѣ

* Въ Казанской Губерніи многія роши заклеимены по повелѣнію Петра I.

живеють ондѣльными кваршалами, и не за-
быль, какъ его опцы рѣзались съ нашими
дружинами. Волякъ и Черемисъ называютъ
насъ — *Русийъ* и симъ же словомъ бранящъ
другъ друга; ходящъ въ церкви, а помнишь —
и многіе не оставляють обрядовъ языче-
спива! Зѣтринал и рыбаал ловал соснав-
ляють одно изъ главныхъ ихъ занятій. Та-
тары въ особенности не привыкли къ земле-
дѣлю, въ нихъ есть какіе-то остатки ко-
човаго, быша который разохачивають ихъ
взявшись за соху и сдружисься съ землею!

Помню монументъ, воздвигнутый надъ ко-
сними Русскихъ, падшихъ при занятіи Казани.
Онъ въ видѣ усѣченной пирамиды. Я былъ
въ его пещерахъ; въ нихъ есть небольшая
комната, безъ оконъ, безъ дверей, съ нѣ-
сколькими входами изъ пещеръ; въ ней
есть общій гробъ, полный коснями, на немъ
лежишь разрубленный черепъ и двѣ ручныя
косни; надъ нимъ горитъ неугасимая лам-
пада. — Какъ хороша Казань! какъ роскош-
но спеломся вокругъ нее луга, какъ вели-
чаво раскидываются озера и надъ ними кра-
сующаяся Университетъ и домъ Архіерей-
ской! — Я помню лѣсъ мячтъ, и песипроту
одеждъ и нарѣчій, и шумъ и говоръ Ниже-
городской ярмарки. Я помню темныя лѣ-
са Муромскія и высокой берегъ Карачарова,
родину нашего богатыря, кошораго неза-

была простионародная Поэзія. Все это я видѣлъ, всему дивился безсознательно, какъ ребенокъ! Теперь остались однѣ неясныя воспоминанія: онѣ слились въ сладкій улетѣвшій сонъ, и мнѣ хотѣлось пересказать его, хотѣлось разгадать его значеніе!

II.

Много лѣтъ минуло съ той поры, какъ видѣлся мнѣ этотъ сонъ! много пережили въ это время народы! много смѣнилось въ душѣ моей спрасней и желаній! Одно осталось неизмѣннымъ — одна жажда все знать, все видѣть.

Много лѣтъ минуло съ той поры, какъ видѣлся мнѣ этотъ сонъ, и вопль снова раскидывается предо мною пламенно-печальнаго наслажденій: я увижу новыя племена, оживлю въ памяти дивныя событія; я буду въ Украинѣ — и покидаю себя родимой Кремль!

Но опъ чего мнѣ такъ грустно распахаться съ побою! опъ чего воскресло для меня все минувшее — и сильно взволновало душу! За чѣмъ возпали вы изъ праха толпы Ташарскихъ полчищъ! Какъ вы страшны подъ заревомъ святаго Кремля! На васъ запеклась наша кровь — ваши очи жаждутъ добычи и мести! За чѣмъ возпали предо мною полки